

Милютин Александр

www.milutyn.com

al-mile@yandex.ru

ИЗ ДВУХ ЗОЛ

Рассказ

Батарейки в плеере сели в половине первого ночи. Анна стянула мягкие подушечки наушников и бросила на стол. Достала кассету, которую слушала снова и снова, пока позволял заряд, и положила перед собой, рядом с лаконично подписанной открыткой. Начала задумчиво поправлять предметы бледной рукой с обгрызенными ногтями.

Гена. Кирилл.

Отражение в оконном стекле, за которым растеклась густая майская ночь, смотрело на нее растерянным взглядом уставшей и измученной восемнадцатилетней девчонки.

Вот как бывает: она не красавица – маленький рост, маленький бюст, ломкие невыразительные волосы, курносый нос, два по-заячьи крупных передних зуба – но только за ней, единственной из всей группы, бегали не один, а два парня, в то время как настоящие королевы училища томно вздыхали и брели с занятий в гордом одиночестве.

Но в этом то и состояла проблема Анны.

Требовалось сделать выбор.

Подвести под общий знаменатель чувства, желания, разум, и решить, с кем быть, с кем расстаться. Это было весьма непросто.

Вчерашний дембель Генка, уверенный в себе, прямой, надежный, энергичный.

И студент-романтик Кир, робкий, спокойный, мечтательный, нежный.

Оба в сердце, Кир больше, но разум голосует за надежность Генки. «С таким как за каменной стеной» - говорила Анькина лучшая подруга. А мама как-то обронила про Кира «Выйдешь за него – будешь веревки из него вить». Тогда дочка возмущенно фыркнула и выдала: «Мама! Что ты говоришь!?!», но какой-то осадок остался после этих слов...

Вот же угораздило! Ведь не сама же сознательно крутила с двумя. Вышло так... С Генкой поссорились, думала расстались, он служить ушел... Почти год одна была, потом с Кириллом на Майских праздниках познакомились... Следом лето, каникулы, ночные прогулки, песни под гитару, посвященные ей стихи... Какой девчонке не хочется большой и светлой любви?... А Генка в отпуск... И драка, практически избиение Кира... Соперники... И с тех пор странные отношения с обоими. Кир рядом, не бросает, да и не может, видно же – влюблен по уши. Но все это так шатко, непрочно, потому что ясно – придет Генка и невозможно будет устоять перед его натиском. И Киру несдобровать, и ей... И что странно – порой хочется ощущать рядом эту силу, эту энергию, этот напор... Неразбериха. Чехарда. В душе, в мыслях, в жизни... Вот такая вот она – юность.

Но к какому-то выводу, к какому-то итогу приходиться надо. Остался день. Загулявший дембель послезавтра вернется в город окончательно.

Геннадий или Кирилл?

Открытка, где круглыми маленькими буквами было составлено признание в любви, с обратным адресом воинской части. Кассета с аудиописьмом, почти прощальным, дрожащий голос и гитарные переборы.

Каков выбор?

Анна прислушалась к стоящей в квартире тишине. Тишине, конечно, относительной, неявной. Тикали часы на стене, из незакрытого до конца крана монотонно капала вода, похрапывал через стенку отец. Крепость сна родителей беспокоила Анну больше всего. Вытащив из залежей книжек и конспектов припрятанную сигарету, она на цыпочках

прокралась мимо двери в родительскую спальню вначале на кухню, где приготовила себе чашку растворимого кофе, а потом – на балкон.

Ей было по настоящему плохо, как бывает плохо от любви в восемнадцать с половиной лет.

Прохладный воздух нырнул за шиворот, скользнул по ногам, вызывая озноб. Анна вернулась за пледом, захватила из вазочки печенье заглушить сигаретный дух и, соорудив себе уютный кокон, устроилась на старом кресле в самом углу. Ночь пахла весной, цветами и еще многими неопределимыми запахами. На черном полотне неба горело множество звезд. Под ними скудными россыпями сверкали огни уснувшего города. В проводах и листьях пел ветер. Анна подставила ему лицо, отхлебнула кофе, зажгла наглую сигарету...

Как же она устала! Один говорит, что ее любит, но не способен ради любви на поступок. Другой способен, еще как! Но любовь ли это или просто стремление самоутвердиться, реализация мужских амбиций, проявление лидерских замашек? И как она умудрилась понравиться двум таким разным людям?

Мда... Что-то в минусе, что-то в плюсе и никаких подсказок как быть, как пережить это время и желательно не надумать глупостей на оставшуюся жизнь...

Сигарета была горька, горькими были и ее мысли.

Можно рассматривать это как испытание. Кира в смелости, Генки – в сдержанности. Только что она выиграет, если стравит их, и два самца начнут поединок из-за самки? Фу, нет! Ритка бы так поступила. И Светка... А она? Ведь исход противостояния ясен – не выдержит Кир. Без ее поддержки, без ее решения не выстоит. Он хороший, добрый, а добро не бывает с кулаками... Но и встречаться дальше с потенциальным трусом, в котором нет уверенности... То ли дело Гена... Ему бы контроля чуть-чуть, сдержанности... Может, если они будут вместе, она сможет его переделать. Хоть немного.

Эх, вообще скрестить бы их... Да, забавная мысль...

Она обратила взор к небесам, где во мгле сияли мудрые всевидящие звезды. Прошептала: «Ну, дайте, дайте мне намек в какую сторону качнуть весы!»

Бесполезно, конечно же.

Затушенный окурок алой кометой полетел во тьму. Лучше не стало. И вообще с сигаретами пора завязывать... Анна отхлебнула остывший кофе, безразлично укусила печенье. Потом положила руки на перила балкона, опустила на них голову, прикрыла глаза.

Тяжелое ей выпало испытание. Наверное, самое тяжелое в ее короткой жизни. Испытание любовью. Любовь... А кого она сильнее любит? Вот если отбросить все советы подруг и подсказки родителей, все журнальные статьи и мудрые книжки... Если выключить голову и оставить только сердце, забыть, что мир, в котором они живут, материален и в нем куча традиций, правил и условностей...

Кириллушка... Кириллушка, родной... Он.

Хоть плеер и остался лежать мертвым на столе, в ушах зазвучала его последняя песня.

*Сегодня я не первый принял бой,
Но все же, вызов к битве принимая,
Судьбе-злодейке жизнь свою вверяя,
Я очень недоволен был собой...*

Гитарные переборы, записанные на старый кассетник через трескучий микрофон... Для нее. И голос, к которому она уже так привыкла... В словах... Предчувствие неизбежного расставания? Крик о помощи? Просьба поддержки, намек... Очередные слова любви... Все перемешалось в голове Анны. Грустная мелодия, невеселые мысли, образы двух ее мужчин, эхо так и не принятого решения, тоска о том, что невозможно заглянуть в завтрашний день... Клубок этот начал тонуть, погружаясь в пучину сна.

Засыпающая Анна так и не увидела, как в небе что-то прозрачное, невесомое, иллюзорное, заставило звезды на секунду задрожать, а потом по спирали спустилось вниз и зацепилось за ветку клена, растущую напротив балкона.

– Страдаешь?
– Еще как!
– Любовный треугольник?
– Ага...
– Наверное, сложная дилемма. От выбора зависит вся дальнейшая жизнь. А решить трудно, так что даже к звездной выси мольбы посылаем...
– Вот только не надо, пожалуйста, издеваться!
– А я и не издеваюсь. Какого совета у неба спрашивала?
– А что?
– Да я как бы помочь могу.
– А вы кто?
– Да так... Дух.
– А как вас зовут?
– Какая разница... Вечный Странник подойдет?
– Так пафосно!?
– Да как бы мне можно. Так что знать хочешь? Говори.
– А чем мне за это нужно будет расплачиваться?
– Вот люди! Корысть вас погубит... Ничего не нужно!
– Так не бывает!
– Бывает.
– Точно?
– Точно!
– Ну, тогда... Вечный Странник, с кем мне остаться?
– Ты сама должна это решить. Я тебе могу просто больше информации предоставить, чтобы твое решение было более обоснованным.
– А, я так и знала... Сама значит?
– Ну, да. Не могу же я тебя права выбора лишать.
– Да? Ладно. Ну и что за информация?
– Ты хочешь узнать, как сложится твоя жизнь, выбери ты того или иного своего юношу?
– А это возможно!?
– Да. Я относительно недавно этому научился. Три века назад. Пока с хорошей точностью получается перспектива в грядущее на восемь лет. Дальше – так себе. Но я работаю над этим.
– Э, нет! Я ж чувствую подвох!
– Да какой подвох! Я – дух. Мне скучно и я так развлекаюсь.
– А как вы стали духом?
– Слушай, с таким тоном... Может «на ты» перейдем? А то перед лицом вечности у нас все просто...
– Ладно. Хорошо. А как ты стал духом?
– Я был магом.
– Что серьезно?
– Не перебивай! Сама у меня что да как выпытывала.
– Извините... То есть извини.
– Принято. В общем, у каждого мага со временем появляется своя заветная мечта, цель, определяются, так сказать, приоритеты. Кто-то об абсолютной власти грезит, кто-то о сокровищах несметных, кто-то ищет философский камень, а кто-то формулу вечной молодости. Я вот искал бессмертие. Причем условием жизни телесной оболочки, как некоторые, не ограничивался. Ну, и в итоге получил.
– Бессмертие?
– Да. Я победил тиранию материи, освободил разум и обрел вечность.
– Но что-то пошло не так...
– А обещала не перебивать... Нет, все получилось как я хотел. Просто оказалось скучнее, чем я думал. Так же как материя не властна надо мной, так и я не властен над материей. Я не могу управлять предметами, я не могу даже осязать их. Это сильно

ограничивает меня. Со скуки я разгадал немало тайн мироздания, но нет такого способа, чтобы поведать о них людям. Ни рассказать, ни показать. Я – бесплотен.

– Никак?

– В реальности никак. В искаженном виде меня могут воспринимать кое-какие умалишенные, некоторые шаманы, а все остальные – только во сне.

– Ну, так как ни шаманкой, ни сумасшедшей я не являюсь, значит, ты мне снишься?

– Истинно так. Причем когда ты проснешься, не вспомнишь ровным счетом ничего из нашего разговора. Проверено неоднократно. Исключения были, например, с Менделеевым, но это сотая доля процента.

– И какой тогда смысл помогать мне?

– Я ж говорю – со скуки.

– Ладно. Пусть. Уговорил.

– Уговорил!? Кому это в принципе надо – мне или тебе?

– Если я все забуду, то – тебе, а так... Мне, конечно, больше. Не сердись. Я просто нервничаю. Так что там?

– Знаешь, в тебе есть что-то душевное, что притягивает мужчин, причем не просто притягивает, а и удерживает. У тебя по обеим линиям вероятности свадьбы.

– Это странно?

– В ваше время и в ваших краях с этим делом не торопятся.

– А откуда ты сам?

– Отовсюду.

– Ну, когда ты был человеком, где ты жил?

– В Скандинавии. Но мы отвлеклись...

– Ага. Скажи, что будет, если я останусь с Кириллом?

– Поначалу Геннадий не даст вам покоя. Будет донимать еще очень долго – Однажды сломает нос Кириллу, разобьет его гитару. Потом постепенно страсти улягутся. Будет золотой период, в который вы соберетесь пожениться. И поженитесь.

– Ой, только не говори, какое у меня будет платье...

– Не собираюсь.

– Ладно, я пошутила. А потом? Я буду с ним счастлива?

– Человек не бывает счастлив достаточно долго. Я бы сказал даже не бывает счастлив никогда. Тебе с Киром будет удобно, но ты ждешь от него чего-то такого, что он не может дать. И разочаровываешься. Остается какой-то тоскливый осадок оттого, что ведь могло быть лучше...

– Но вообще...

– Вообще нормальная жизнь, которая многих бы устроила.

– Ой! Как же я забыла!? А мир вообще уцелеет?

– Ха-ха! Ой, рассмешила! А куда он денется!? О конце света можно будет поговорить через пару миллионов лет. Всякие там ураганы-цунами, конечно, будут случаться, но более-менее в пределах нормы. Инциденты местного масштаба... На то расстояние, что мне доступно, с тобой и твоими близкими ничего серьезнее перелома ноги у отца, не случится. Про страну лучше не пытай. Там этих линий вероятности столько, в основном весьма печальных, что даже поставь я задачу просчитать политику очередного правителя, у меня бы ничего не вышло.

– Вот... Я хочу спросить... Я и Кир найдем свое место в жизни?

– Эх... Детская наивность... Ну, будет у тебя занудная работа на оптовом складе, Кирилл будет в магазине телефонами торговать. Квартиру будете снимать, все необходимое по минимуму будет. О роскоши не мечтай. Позднее ребенок появится. Девочка. Так о каком месте в жизни ты говоришь?

– Ну... Вот это ты меня ошеломил... Девочка, да?

– Девочка. В этом нет ничего такого. В отличие от гипотетического «места в жизни».

– Ну, как... Вот Кир песни пишет...

– В вашем случае это просто юношеское увлечение. Нужны особые обстоятельства и особый склад характера, чтобы это все стало смыслом жизни. В большинстве случаев у людей спорт, музыка, поэзия остаются в отрочестве и юности, в прошлом, где покрываются пылью, отодвинутые новыми жизненными приоритетами. Порой с этим тяжело смириться, но это – норма.

- Это мешает нам в наших отношениях?
- Догадалась. Молодец! Да, мешает. Я тебе покажу.

Кирилл, повзрослевший на несколько лет, с непривычной короткой стрижкой и мрачной щетиной сидит с гитарой за журнальным столиком. Он одет в старую черную футболку с растянутым воротом и вылинявшим изображением какой-то группы и пестрые семейные трусы. Помимо гитары на столике початая бутылка пива, бумага, ручка и небольшой продолговатый предмет серого цвета.

Обстановка квартиры скромная: старомодная «стенка», перекошенный диван, кресло, детская кроватка. На стене – несколько свадебных фотографий. На полу валяются игрушки. Узнаваема родительская люстра и пара стульев.

Кир сочиняет и видно, что у него ничего не получается. Он что-то наигрывает, напевает, зачеркивает, напевает вновь и вновь зачеркивает. Короткий миг тишины прерывается его проникновенным, растягивающим слова, голосом.

По ту сторону осени – наша любовь
По ту сторону осени – ветры разлук
Между этими точками – радость и боль
Это нашей судьбы заколдованный круг

Неуверенные аккорды, несколько ударов по струнам. Затем черканье на листе, еще немного брэнчания...

Мелодичная трель прерывает его занятие. Серый предмет на столе оказывается телефоном. До Анны, смотрящей сон во сне, доносится:

– Ну? Я понимаю... Слушай, ну как я могу хоть что-то сочинить, если ты мне мешаешь!? Да, я знаю, вы гуляете с Дашкой, ну что еще?

Короткие гудки слышны очень хорошо. Кирилл раздраженно ворчит, жмет кнопку на телефоне и со стуком кладет его на столик. Пьет пиво и разглядывает свои кончики пальцев, на которых нет прежних мозолей от струн. Еще одна попытка играть, но снова ничего не выходит. В сердцах Кирилл комкает почерканный листик. Бумажный шарик летит в свадебную фотографию, где запечатлен поцелуй во дворце бракосочетания. Фотография чудом удерживается на гвозде, а Кир сползает со стула на пол и закрывает лицо руками.

– Почему!? Ну почему все так!?

В тишине и бездействии проходит несколько минут, потом рука Кира тянется к телефону.

– Аня... Ты это... прости меня. Я сейчас приду к вам. Вы в сквере? Да. Да, хорошо. Уже собираюсь.

Кирилл, пошатываясь, поднимается, относит в угол гитару, стягивает со спинки стула джинсовую рубашку и какие-то штаны...

Его полный тоски вздох чем-то похож на крик отчаяния.

- Приуныла?
- Ну, да, есть немного. Кстати, что это за штука такая, по которой Кир говорил?
- Мобильный телефон
- Ух ты... У нас у обоих такой, да? Постой, так это такими телефонами Кирилл торгует?
- Именно. Прогресс и все такое...
- Странник...
- Что?
- Кто ты на самом деле?
- Я не врал. Я – дух, бывший когда-то магом-человеком.
- Ты говоришь со мной на моем языке и строишь речь в той манере, которая, мне кажется, не соответствует древним скандинавским магам.
- А я не разговариваю с тобой в привычном понимании этого слова. Мы общаемся мысленно, через призму сна и ты понимаешь меня так, как тебе самой удобно. Филолог понимал бы меня по-своему, заключенный – по-своему. Это же элементарно.
- Ладно, пусть. Если ты не против, расскажи о другом варианте.

- Ты с Геннадием...
- Да.
- Двое детей. Своя квартира. Машина. Много работающий муж. Строгий, ревнивый, раз в неделю пьяный.
- Чем он занимается?
- Установкой сантехники.
- И у меня от сантехника двое...
- На той границе, что мне доступна, второй в проекте.
- Надо же!
- Сидишь дома, смотришь сериалы, вяжешь и толстеешь.
- Фу! А почему я сижу дома?
- Потому что ты мама и потому что муж запретил тебе работать и даже общаться со всеми прежними друзьями.
- Чего-о!?
- Того!

Шкаф-купе. Большое зеркало, в котором отражается красивый ворсистый ковер и детский «загончик», в котором играет малыш. Перед зеркалом стоит заметно округлившаяся Анна и держит платье, единственное парадное платье, которое способно вместить ее в таком положении, скептически примеряя его на себя.

- Гена, давай все-таки на День Города выйдем прогуляемся, а?
- Потяжелевший килограмм на десять, Геннадий появляется в проходе, в джинсах и майке, доедающий бутерброд.*
- Чего туда переться!? Шататься с ребенком среди толпы?
- А мы Стасика маме оставим. Ну, давай! Увидимся со знакомыми. Посидим в кафе на бульваре, съедем мороженое...
- У меня дела будут. Мне нужно машиной заняться. Колодки поменять, масло.
- Ну, так вечером же...
- И не мечтай!
- А одну отпустишь?
- Я сказал НЕТ!
- Ребенок в манеже начинает хныкать. Анна бессильно бросает платье в шкаф и идет к сыну.*
- Не забывай, что ты – мать! Сиди дома. Время гуляний с друзьями-подружками осталось в прошлом.
- Он отворачивается, находит на вешалке ветровку и кепку. Берет с полки барсетку.*
- Я ушел зарабатывать деньги. Пока!
- Хлопает дверь. Когда ребенок вновь успокаивается, Анна берет телефон.*
- Привет, Рита! Насчет праздника... Я не смогу... Ну, по семейным обстоятельствам... Что!? ...Кирилл!? – нервный взгляд в коридор, там пусто и дверь закрыта, – Он выступает на концерте? Круто! Ну... Что ж делать... Увидишь, передавай привет... Жалко, знаю... Ну, как-нибудь в другой раз... Да, пока!
- Анна кладет трубку. На ее лице – смесь приятного удивления и безграничной грусти.*
- Надо же... Выступает...
- Маленький Стасик вновь требует к себе внимания.*
- Что, мой маленький, будем с тобой дома, да...
- Из шкафа вываливается ненужное выходное платье.*

- И это меня ждет, если я буду с Генкой!?
- Да.
- Кошмар!
- Все познается в сравнении. На свете найдется немало женщин, которые были бы довольны такой участью. Сидят дома, не работают. Муж обеспечивает. И у него, кстати, хватка в этом деле что надо – он будет расти. Просто дальше мне не заглянуть. Если и выпивает, то без запоев. И без рукоприкладства.

– Да, ну, это вообще... Черт! Вот из-за этого мне похоронить всех своих друзей и подруг? Их у меня и так не очень много.

– Когда закончится учеба, и пойдут семьи, твой круг общения станет еще меньше.

– Но я не хочу...

– Что поделать...

– Ну... В общем, я уже сделала для себя главный вывод. Странник, спасибо тебе. Но вот еще хочу спросить, ты говорил, что у Кира музыка – это только увлечение, ничего серьезного, а тут... Он выступает...

– Я говорил дословно: «Нужны особые обстоятельства и особый склад характера, чтобы это все стало смыслом жизни». Логическое умножение. Нужно и то, и другое. Да и еще немало вещей. В ветви реальности, где вы не вместе, обстоятельства имели место.

– Какие?

– Вы не вместе.

– Брррр... Не поняла.

– Ты была его первой любовью. А первая любовь – самая яркая и сильная. Расставшись, он начал идеализировать твой образ. Все творчество его плясало около воспоминаний о тебе, о том времени, что вы были вместе. Ты была его музой. Стихи и песни – все с мыслью о тебе.

– Значит, рядом со мной он творить не смог, а как бы в память обо мне...

– Да. Вот такой вот парадокс творческой личности. Только все равно... Концерт на фестивале районного масштаба – это планка, выше которой ему не прыгнуть. Второе условие.

– Жалко. Я в душе надеялась...

– Ну, это же не было определяющим фактором?

– Нет, конечно. А... Он что – никого не встретил после меня?

– Отчего же? Встретил. И полюбил, но любовь в семнадцать и любовь в двадцать пять – совершенно разные вещи. А в тридцать так вообще...

– Мне вновь не верится, что Вечный Странник действительно вечный...

– Ты не можешь понять, что такое вечность и как порой хочется убежать в мир, где нет ее холода, где интервал в пять лет – уже пропасть. Где все человеческое. Странное, чуждое, из другой эпохи, но все равно вполне понятное и реальное.

– И пусть даже этот мир - мир снов?...

– Пусть даже так.

– Тебе одиноко там, в твоей вечности?

– Все чаще и чаще.

– И нет никого рядом? Другие духи...

– У других духов другая природа, они не такие как я.

– А что нужно сделать, чтобы стать таким как ты?

– Просто захотеть...

– Да ладно!

– Не веришь... Ладно. Ну, что, показать тебе звездный час Кирилла?

– Конечно!

Жаркий июльский вечер. Главная площадь города, заполненная людьми, словно чаша до краев. С одного края нырнувшая в тень огромных древних платанов сцена. Громкая музыка, прожектора, воздушные шары, транспаранты. Толчея, суета... Праздник. Фестиваль.

Они ждут своего выхода внизу, за сценой, трепетно и нервно держа инструменты – их группу поначалу трудно выделить среди толпы организаторов, других музыкантов, не зная, кто есть кто, но потом становится ясно. Три гитары – акустическая, электро, бас - и ударник. Две девушки в качестве группы поддержки. Одна из них – миниатюрная кареглазая брюнетка – с Кириллом.

Кир в черном – брюки, туфли, рубашка. Рубашка с длинным рукавом, но расстегнута более чем наполовину, обнажая руну, висящую на груди. Хорош ремень со стальной вычурной пряжкой. Желтая акустическая гитара со светлыми, похожими на серебро, струнами эффектно смотрится в сочетании с этим «прикидом» и длинными, до плеч, волосами. Он по-готическому красив и совершенно неудивительно то, что его спутница с таким обожанием смотрит на него...

- Но ты ведь... дух... такой один. Сам говорил. На всех тебя не хватит.
- Такой – один, но мало ли всяких ангелочков или призраков, которые этим увлекаются...
- Серьезно? А мы, значит, забываем?...
- Забываете...
- А я, кажется, поняла, кто ты на самом деле.
- Ох... То есть ты мне так и не поверила... Ладно, кто я?
- Ты – Бог!
- У-у! Приехали! И какой Бог я, по-твоему? Один? Тор? Может Локки? А может Перун? Сварог? Семаргл? Или нынешние... Кстати, почему Бог?
- Ты попытался помочь мне в моей проблеме и ничего не попросил взамен.
- Ничего не потребовал, если точнее. А попросить могу.
- Я так и знала! Без обмана не обойдется...
- Никакого обмана! Предложение.
- Значит не просьба, а предложение. Ну?
- Ты тут спрашивала... В общем, не хочешь стать моим компаньоном?
- Как это?! Таким же духом?
- Да. Я вполне могу это сделать.
- И скитаться неприкаянной душой между землей и небесами, лишиться... как его там... вечного покоя...
- Вот именно – вечного покоя. Ты знаешь, что нет никакой загробной жизни, нет рая и ада? Есть просто другие формы существования энергии. Энергии. Не материи и даже не мысли! И их нельзя назвать жизнью в привычном понимании. Это – Ничто. И у миллиардов живущих на земле нет другой альтернативы.
- Значит это уникальный шанс? Но тогда почему я?
- Узнаешь позже, если я в тебе не ошибся.
- Хм, пошли загадки... Ладно, надеюсь, у меня есть время подумать?
- Конечно. У тебя впереди вся жизнь. Думай. Я подожду.
- Не устанешь? Или мне отведено немного?
- Нет, не устану. Что для меня время?... А сколько тебе отведено... Даже если бы я знал, не сказал бы. Во-первых, человеку об этом знать не нужно, а во-вторых... Это бесполезно. Ты все равно все забудешь, когда проснешься. Кстати, в том числе и то, что я тебе показывал.
- Без вариантов?
- Во мне теплится крохотный огонек надежды по этому поводу, но очень крохотный...
- Но тогда какой смысл?
- Смысл есть во многом. Например, мне было очень приятно с тобой пообщаться.
- Ясно. Значит все зря?
- Не совсем. Но, знаешь, мне пора. Над Тихим океаном сейчас рождается новый ураган, хочу посмотреть на это.
- Так вот, значит, как ты проводишь время.
- Я провожу его по-разному. Присоединяйся, и узнаешь, как. А пока... Будем прощаться.
- Ну коли так... Прощай, Вечный Странник.
- До встречи, Анна. Я буду ждать тебя.

Яркое солнечное утро совсем не радовало Анну, уныло бредущую на занятия. Ночевка на балконе обернулась для нее занывшим горлом и заложенным носом. К тому же она совсем не выспалась, ей снился какой-то странный сон, беспокойный, удивительный и уже полностью позабытый. Ну, а самая главная причина невеселого настроения и сосредоточенности заключалась в двух предметах, покоящихся сейчас в сумочке.

Открытка.

И кассета.

Два предмета олицетворяли двух людей.

Между этими людьми ей предстояло сделать выбор.

Анна зашла в аптеку и купила леденцы с ментолом. Отправила в рот сразу два кругляшка, зашагала по направлению к проспекту, но внезапно остановилась. Встрянула челкой. Будто в первый раз посмотрела вокруг – на прохожих, на дома, на зелень деревьев, прищурившись, подняла глаза на летящие в вышине облака. Даже сквозь ментол ощутила аромат сирени в переулке, И, будто, вспомнив вдруг о чем-то прекрасном, широко и счастливо улыбнулась.

А потом решительным шагом подошла к урне и вытащила из сумки свою ношу.

– «Но вообще из двух зол выбирать не стоит». Это ты хотел на самом деле сказать, Вечный Странник?

Открытка и кассета отправились в мусор к пустым пивным бутылкам и обертке от чипсов, а Анна снова подняла голову вверх и долго смотрела в пронзительную голубую высь, которая манила своими безбрежными далями и непознанными тайнами.

И где ее кто-то ждал.

Эпилог

Кирилл допел последний припев, и теперь стоял, весь в черном, в золоте заката. Слушал, как играют парни, вплетал в общую мелодию свою гитару, покачивался на волнах музыки, на волнах вселенской грусти и своего одиночества. Глаза его пробегали по толпе, не цепляясь, не надеясь... И вдруг...

Это же она! Как удар электрическим током! Аня!

Стоит у самого ограждения под сценой и смотрит на него.

На какой-то миг он растерялся, не поверил, почти сфальшивил, но, к счастью, песня уже закончилась, прозвучала кода. Тогда на ватных ногах он сделал шаг к микрофону и заговорил:

– Эта песня посвящалась девушке, которая однажды исчезла... Я думал, навсегда. Но сегодня мне выпало счастье увидеть ее вновь.

Вытянулись в удивлении лица музыкантов на сцене, не ожидавших этой речи. Расширились и заблестели карие глаза подруги Кирилла. Глаза Ани тоже заблестели. Рука, не знавшая обручального кольца, нервно поправила волосы. Толпа зашевелилась, головы завертели в поисках этой самой девушки, о которой Кирилл говорил со сцены.

– Ты ведь не уйдешь больше, правда? – прозвучало на всю площадь.

Он смотрел на нее. Только на нее. Ждал ответа. И она энергично покачала головой. Губы ее прошептали: «нет», а по щекам потекли слезы.

– Спасибо, - тихо, практически мимо микрофона, сказал Кирилл, а потом уже закончил так, как следует, - Спасибо вам! Спасибо всем!!!

Площадь взорвалась криками и аплодисментами, над которыми выплыл голос ведущего. Он что-то говорил, но два человека на этом концерте не слышали его совершенно. Кирилл и Аня стремились сквозь толпу навстречу друг другу.

Нечто бестелесное и невидимое еще немного повисело над главной площадью города, а потом, сверившись с положением солнца относительно оси земли, отправилось на другой концерт, который в двух часовых поясах отсюда давал другой музыкант – Жан-Мишель Жарр.

Этого не могла знать ни одна живая душа, но Вечный Странник улыбался.